

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ
ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Изучение истории взаимоотношений России с Дагестаном и процесса присоединения этих народов к России, роли русского народа в их исторических судьбах является не только выявлением истоков дружбы между ними, но и содействует ее дальнейшему усилению.

В этой связи актуальное значение имеет всестороннее изучение истоков формирования дружбы народов Дагестана с русским народом, изучение предпосылок присоединения Дагестана к России. Однако отдельные аспекты русско-дагестанских отношений ввиду крайней скудости фактического материала, находившегося в распоряжении исследователей, оставались малоизвестными.

В настоящее время настала необходимость исследовать историю русско-дагестанских отношений более конкретно по отдельным регионам, что позволяет не только проследить эволюцию этих отношений, но и понять сущность многих событий.

Россия сыграла огромную перспективную роль в жизни горцев Дагестана. В годы тяжелых испытаний связанных с нашествием иноземных захватчиков, Россия постоянно поддерживала дагестанские народы.

С давних времен Россия выполняла организующую роль, целью которой являлось объединение вокруг себя сопредельных народов в единое централизованное государство. Связав свою судьбу с Россией, народы Дагестана спасли себя от порабощения иноземными захватчиками, обеспечили себе возможность национального развития.

С середины XVIII в. большинство владетелей Дагестана искали покровительства России. Так, например, шамхал тарковский, владелец Аварии Магомед-Муса-хан, Мамотхан-Сурхай, владелец казикумухский обратились с просьбой о принятии их в российское подданство, поскольку над Дагестаном по-прежнему висела опасность иноземного нашествия. Усилению тяги к российскому подданству способствовало также неуклонное развитие торговых связей, которые были необходимы для восстановления хозяйства, пострадавшего в результате разорительных походов Надир-шаха. На Россию ориентировались не только феодальные владетели, но и простой народ. Об этом говорят факты – побеги крестьян в пределы России. Народные массы, которые страдали как от иноземных набегов, так и от все возрастающего феодального гнета, покидали свои места и селились в русских крепостях.

Несмотря на то, что шамхалы и ханы обращались к России, и самодержавие было заинтересовано в присоединении их владений, все же политика царизма на Кавказе носила очень осторожный характер.

В период русско-турецкой войны внимание русских властей было направлено в основном на удержание кавказских, в том числе и дагестанских, владетелей от участия в войне на стороне Турции. После окончания войны царская Россия стала более активно вмешиваться в события, происходившие на Кавказе.

В марте 1775 г. русские войска двинулись в Дагестан. Цель этого похода была значительно шире. Направляя сюда свои войска, царское правительство «стремилось расширить сферу своего политического влияния и обеспечить безопасность восточной торговли, укрепить в тех целях пошатнувшееся положение ориентирующихся на Россию феодалов и восстановить свой престиж».

Цель была достигнута. Вместе с тем благодаря военной помощи России было восстановлено прежнее положение Дербентского ханства, усилилось его влияние на соседние владения.

В 1775 г. к русскому двору выехал посольство, его возглавлял Мирзабек Фархадбеков, правитель Дербента (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18486. Л. 41). В источниках посланника называли «первый человек», «города держатель». Посла Фатали-хана сопровождали писарь Мирза Садых Мухаммеделиев, Навруз Мурадов и др. (12. С. 134). По дороге в состав посольства был включен в качестве переводчика кизлярский служивый дворянин Василий Валуев (12. С. 134). Посольство везло письмо Фатали-хана русскому двору. Начинается письмо с того, что «род хана поддерживал давнишнюю дружескую связь с русским двором» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18486. Л.41).

В письме был затронут и вопрос об отношении Дербентского ханства к Ирану. Фатали-хан отвергал ориентацию на Иран и не намеревался идти на службу к правителю Ирана Керим-хану Зенду, хотя имел возможность получить его поддержку и помощь. Надежды хана целиком возлагались на Россию, от которой он ждал защиты и помощи (10. С. 422).

Фатали-хан писал, что друзьям и врагам известно, что он с давних времен «пребывания под стягом великой державы России нашел приближение в милосердии ее великого двора» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18486. Л. 41). Он был твердо уверен, что подобно тому, как было обеспечено спокойствие, благополучие и самостоятельность в собственных делах крымскому хану в Крыму, а грузинам - в Грузии, так в отношении к нему соизволят дать «указания его превосходительству генерал-поручику, дабы он в этой сложившейся обстановке наказал и усмирил моих врагов и отвоевал полностью от неприятелей весь Ширванский край по эту сторону от реки Куры и представил мне с тем, чтобы я в правлении большими делами был спокойным» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18486. Л. 41). Наряду с этим он соглашался уступить России город Дербент и отправил ключи его с Мирзабеком русскому двору.

Обращение Фатали-хана к России произвело сильное впечатление на правительство Екатерины II. Вопросы, поставленные в письме, трижды обсуждались на заседаниях совета при императрице. Представленный графом Н.И. Паниным перевод письма, содержал также лова: «... коим просит покровительства ее императорского величества и войск для возвращения принадлежащих ему земель» (1. 545). Еще до этого был зачитан на заседании совета рапорт де Медема о вступлении дербентского Фатали-хана со всем владением под покровительство «России и отправке в Россию его посольства». Третье обсуждение состоялось 10 сентября 1775 г. (1. С. 545).

Особое внимание вызывал к себе вопрос об отходе ханства от Ирана, а также просьба хана о приеме под покровительство России и о военной помощи. Было отмечено, что этот смелый и решительный курс на независимость от Ирана и самостоятельную политику ханства обуславливается новыми отношениями. Наиболее дальновидные представители российского правительства высоко ценили заслуги Фатали-хана как сторонника России. Так, в письме Н.И. Панина Фатали-хану Дербентскому он пишет: «Высокостепенный и высокочтенный хан. Мой постояннейший приятель. Получил я через ген.-м. кизлярского коменданта Потапова ваше приятное письмо, коим изволили вы меня почтить и уведомить, что незабвенной памяти, оказанную от е.в. Петра Великого к покойному вашему родителю монаршую милость, и, пользуясь оною, сами не оставляете вашего истинного признания к России... ее величество о сем услышать изволила с тем большим удовольствием, что и прежде полученных ваших писем через консулов, пограничных командиров и проезжающих из Персии российских купцов. Поэтому, надеюсь, что пребудете в принятых вами похвальных намерениях и не оставите продолжать доброхотство ваше к приезжающим и впредь в Персию подданным е.и.в., оказывая им во всех нужных случаях всевозможные защищения, чем еще больше приобретете себе монаршее е.и.в. благоволение» (1. С. 547).

Таким образом, переписка эта имела обоюдные выгоды. На территории Южного Дагестана нужно было создать безопасные условия для проезжающих в Персию и обратно русских людей. Со своей стороны царская администрация обещала защищать интересы ханства. Далее в письме говорится: императрица дала «мне повеление»,

«дружески сообщаю – в перепоручении себя в покровительство Российского императорского скипетра приносить вам справедливую похвалу и славу, ибо тем самым довольно Вы засвидетельствовали и действительно подтвердили... усердие ко всероссийской империи. Переход под покровительство Российской империи оградит хана от «... соперников, а впредь всегда для вас полезно быть могущей» (РГВИА. Ф. 52. Д. 286. Ч. I. С. 9).

В качестве основной причины отказа русская дипломатия, ссылаясь на нежелание пересматривать направление российской политики по отношению к Ирану и нарушать статус владений, ранее официально признанных Россией иранскими, выдвигала следующее: «Настоящее Российского императорского двора положение дел с Персией не отменяющих» (1.С. 348).

Далее говорится, что русский двор является сторонником сохранения территориальной целостности Ирана, он не вмешивается в дела других держав, пока они сами не нарушат договорных обязательств.

Уступка Дербента в ответ на исполнение просьбы хана о военной помощи и покровительстве имела больше значения для самого Фатали-хана, чем для российского правительства. Уступая Дербент, ему хотелось обеспечить свой тыл и иметь русскую военно-политическую поддержку в дальнейшей своей борьбе за объединение разрозненных ханств. Однако эта политика хана не была оправданной.

В русских официальных документах обращение дербентского хана к царскому правительству расценивалось как выражение его преданности Российскому государству.

Правительство Екатерины II проявляло все большую заинтересованность в укреплении связей с владельцами Южного Дагестана, располагавшими выгодными территориями, через которые шли торговые пути с юга России в восточные страны. По этой причине оно всячески старалось поддержать доброе расположение дербентского хана к России. Вместе с тем оно не хотело связывать себя никакими официальными обязательствами, могущими привести к обострению отношений с соседними державами и противоречащими его военно-политическим интересам.

Генералу Де Медеме было дано от Екатерины II указание в июле 1775 г. убедить хана в том, что русский друг придает «достойный цены к его желанию» быть под покровительством России. Были приняты меры «для содержания его впредь только к нашей стороне в доброжелательстве». При обсуждении ответа хану на заседании Совета было выражено согласие с предложением князя Волконского о том, чтобы «несколько умягчить ... при советовании в искании помощи от Персии ... дабы не совсем огорчить его отказом, не оставить ему всегдашнюю на нас надежду. Совет решил: «Надобно принять дербентских депутатов, обнадежить хана покровительством» (1. С. 553).

Итак, посольство Дербентского ханства не увенчалось успехом. Однако отказом от официального приема Дербентского ханства под покровительство России царская дипломатия проявила своего рода предусмотрительность и выиграла время для изучения сложившейся внешнеполитической обстановки. Вместе с тем и ни к чему не обязывающими обещаниями, она старалась удержать Фатали-хана на стороне России.

Фатали-хан настаивал на предоставлении ему самостоятельности и независимости как на основном условии официального покровительства России.

Анализируя имеющиеся источники о внешнеполитическом положении Дербентского ханства в рассматриваемое время можно сказать, что просьбу Фатали-хана о приеме под русское покровительство нельзя расценивать как результат его личного побуждения, его доброй воли. В этом обращении были выражены воля, настроение и чаяние народа, определенных общественных сил в обстановке феодальной неурядицы и внешней опасности. Письмо Фатали-хана не только освещает принципиально новые по характеру и постановке вопросы, но и рисует историческую обстановку, сложившуюся для дербентского владения. Вместе с тем четко изложенные в письме условия перехода под

покровительство Российского государства ярко характеризуют субъективную сторону политики хана как феодального владельца.

В июле 1781 г. небольшая эскадра под командованием Войновича прибыла в Астрабадский залив. Весть о появлении русского флота на Каспии была с радостью воспринята сторонниками русской ориентации. В источнике отмечается: «Слух о молве по всей Персии, что русские войска собираются туда идти, отчего владельцы по близости к здешним местам, как то Шамхал, Уцмий и протчие бласклоннее, особлива Фатали-хан Дербентский отзываетца, что он по преданности его к России о приходе войск весьма рад, да и весь тамошний народ, начиная от Дербента и Гилянской провинции персияне, купечество и земледельцы кроме тех, которые какую-либо власть имеют, говорят, что они с великою радостью ждут нетерпеливо российских войск, и как скоро вступят в пределы тамошние, то все выше описанные места без всякого сопротивления будут покорными...» (2. С. 101). В другом источнике говорится, что «народные массы ... ожидают через прибытие русского войска избавиться от междоусобиц и тяжелых налогов» (РГВИА. Ф. 52. Д. 286. Ч. 1. Л. 92).

Распространение слухов о походе русских войск вызвало тревогу у правящих кругов Персии и Турции. Они выражали готовность прислать войска на помощь якобы для защиты от России. Особое значение они придавали вовлечению в борьбу против России народов Южного Дагестана.

Фатали-хану было передано через турецкого посланника предложение султана, где говорилось, «что ежели надобно для обороны противу российских войск и фрегатов, людей, то для вспоможения ему, хану присланы будут войска и деньги» (12. С. 101). Однако южнодагестанские владельцы решительно отказались от денег и военной помощи и не ответили на послание султана (2. С. 101).

В Персии в это время с 1780 г. шла борьба за власть. Один из претендентов на шахский престол Ага Мухаммед Каджар с войском вторгся в Гилянское ханство. Население Гиляна было обложено высокой данью. Только за один год захватчики высылали с гилянцев 2 тыс. пудов шелка стоимостью в 370 тыс. рублей (5. С. 90).

Вытесненный из Гиляна Гидаят-хан попросил помощи у дербентского хана. Фатали-хан, несмотря на опасность со стороны Персии, заключил с ним соглашение о союзе (5. С. 92). Центром сбора стал Дербент.

В Дербент явились войска Шекинского хана. Буйнакский владелец Баммат привел свои дружины, войска шамхала Тарковского и Кайтагского уцмия. Таким образом, в борьбе против угрозы со стороны Персии объединили свои силы вокруг южнодагестанских ханств правители Дагестана. В результате чего была одержана победа над персидскими полчищами. Поход показал, что, только объединив свои силы, феодальные правители Дагестана могут противостоять иноземным захватчикам и одерживать победы над ними.

В мае 1782 г. было подписано торговое соглашение между Россией и Дербентским ханством. В этом соглашении особо подчеркивалось, что на территории, подвластной Дербентскому ханству, «русским купцам никакие обиды причинены не будут» (РГВИА. Ф. 52. Д. 288. С. 13).

В тексте говорилось об обязательстве владельцев Южного Дагестана содействовать торговле с Россией. Так, в первом пункте обязательства Фатали-хан заявлял, что подвластные ему феодалы в Дербенте, Баку, Сальянах и в других Прикаспийских областях не должны вмешиваться в дела русских подданных, требовать с купцов или с приказчиков какие-либо пошлины и т.д. В случае нарушения этих обязательств со стороны вассалов и чиновников Дербентского ханства его правитель должен был сурово наказывать их (2. С. 105).

Кроме того, обязательство предусматривало порядок разбора жалоб российских купцов. И в случае их смерти сохранения их товаров для передачи наследникам и т.д.

Таким образом, обязательство принятое южнодагестанским ханством перед Россией, было направлено на устранение злоупотреблений в торговых отношениях и способствовало дальнейшему развитию русской торговли.

Следует отметить, что, покровительствуя созданию нормальных условий для развития русской торговли, Фатали-хан требовал такого же отношения к южнодагестанским купцам в России. В письме к князю Потемкину-Таврическому о злоупотреблениях чиновников в Астрахани он писал, что всегда доброжелательно относился к русским купцам, вспомнил подписанное им и Войновичем соглашение, но, несмотря на это, «приезжающим нашим подданным купцам, торговым и всякого звания людям, обращения чинятся весьма противные и поступают с ними очень несходственно, так в Астрахани и в прочих принадлежащих к Российской державе местах, сверхположенных государственных податей и таможенных пошлин берут с них таможенные командиры и управители под различными предлогами своевольно различные поборы ... с некоторых не получа ничего, удерживают тамо, и с которых получа себе взятки выступают сюда ...» (РГВИА. Ф. 52. Д. 402. Л. 120–121). Правитель Южного Дагестана просил, чтобы с купцов их взимались только предусмотренные указами правительства пошлины, «чтобы впредь никаких налогов, как то взятки и прочих неположенных по правости законов поборов ни под каким званием и предлогом не десятой бы доли копейки с них не требовали, а что с кого взято, то возратить и обряд удерживания запретить» (РГВИА. Ф. 52. Д. 402. Л. 120–121).

Вместе с тем Фатали-хан просил, чтобы чиновники астраханские справедливо разбирали купцов его, так как это содействовало бы расширению товарооборота между ними (РГВИА. Ф. 52. Д. 402. Л. 120).

Поставленные южнодагестанским ханством перед российским правительством вопросы получили свое разрешение. Вскоре были созданы нормальные условия для торговли южнодагестанских купцов в России.

Таким образом, в результате обоюдной заинтересованности в торговле были устранены помехи для ее развития. Забота об охране собственности купцов, ограничение произвола чиновников способствовали упрочнению торговых связей между Южным Дагестаном и Россией.

Положение Южного Дагестана во 2-й половине XVIII в. значительно упрочилось. Ряд феодальных владетелей Дагестана были вынуждены отказаться от враждебных в отношении Дербента выпадов.

В то же время не только Фатали-хан искал близости с Россией, но и некоторые владетели Дагестана неоднократно обращались к России с просьбой принять их в подданство. В марте 1785 г. к представителям русского командования прибыл посланник шамхала тарковского, который привез письмо, где говорилось о давней дружбе, шамхал просил принять его под протекторат России. «Что лее касается до верности и преданности моей к е.и.в. престолу, – писал шамхал, – то удостоверяю ..., что оно не только со стороны моей, но и со стороны моих подвластных соблюдается свято и непоколебимо, так как и услуги до нас касающиеся» (7. С. 152). Посланник представил также данные ему полномочия присягнуть от лица шамхала на верность и вступить в подданство России. Русское правительство решило принять шамхальское владение, но для того, чтобы «набюсти в том важном деле, да и прямо дать чувствовать самому шамхалу важность оногo» (РГВИА. Ф. 52. Д. 306. Ч. II. Л. 171). Не только шамхал, но и собравшиеся от всех подвластных шамхалу кумыкских селений старейшины единодушно решили «подвергнуться к престолу е.и.в. и признали подданными всероссийского престола» (РГВИА. Ф. 52. Д. 306. Ч. II. Л. 171).

В мае 1786 г. П. Потемкин принял посланника шамхала в торжественной обстановке. Посланник прочитал текст обязательства и присяги шамхала. Официальный прием завершился салютом в честь принятия шамхальства под протекторат России (7. С. 152).

Вслед за ними костековцы в присутствии генерала Горича присягнули и утвердили подписями составленное на русском и своем языках следующее обязательство: они обещали быть «верноподданными России, не делать ей никогда никакого вреда, а если таковой найдется виновным, с того взимать пеню 4 быка». Обязались не допускать грабить россиян, а если между участниками грабежа найдется кто-нибудь из костековцев, «тогда убыток россиянину вдвое возвратить». Они обязались также в период борьбы России против ее неприятеля «соединяясь с российскими войсками, стараться ... его прогнать» (7. С. 153).

В том же 1768 году с письмом к П. Потемкину обратился аварский Умма-хан, где просил покровительства России. Тогда же в Кизляр приехали посланники азикумухского и юринского Магомет-хана, умухского Али-ага и Кара-ага «для подвѣргания себя в зависимость е.и.в.» (РГВИА. Ф. 52. Д. 416. Л. 45).

Однако вопрос о включении Дагестана в состав России в то время не получил окончательного разрешения ввиду того, что Турция развязала новую войну. И это могло осложнить отношения с ней.

Русское государство было заинтересовано в сохранении мира на Кавказе. Оно делало все, чтобы «приобрести привязанность» горских народов Северо-Восточного Кавказа. Побывавшие с этой целью в Дагестане офицеры Кавказской армии описывают в своих рапортах настроение горцев. Так, 31 июня 1788 г. генерал Алексеев писал Потемкину: «С самого моего на Кавказе прибытия я стремился всех народов дагестанских, кумыкских, горских и прочих татар приобрести к себе знакомство и потом привязанность... Всех сих народов привязанность приобретена, они мне послушны». И далее, имея в виду шамхала тарковского, уцмия кайтагского отмечал, что «... видел их преданными людьми России так, что ... отправит каждый своего сына к вашей светлости» (7. С. 155).

Еще с середины 70-х гг. XVIII в. обострились взаимоотношения Фатали-хана с Ираклием II. Эти противоречия заключались в основном в том, что Ираклий II намеревался утвердить свое главенство во всем Восточном Закавказье. Кроме того, Ираклий II старался развить транзитную торговлю России с Востоком через Тифлис, он предлагал России разделить Северо-Восточный Азербайджан, продвинуть российские войска к Дербенту, а затем занять Шемаху и Сальяны. Ираклий II с целью ослабления Дербентского ханства поддерживал карабахского Ибрагим-хана в его борьбе против Фатали-хана (РГВИА. Ф. 52. Д. 331. Ч. IV. Л. 32).

Что же касается русского командования на Кавказе, то в рассматриваемое время оно не оказывало решительной поддержки в этом вопросе ни той, ни другой стороне, так как чрезмерное усилие каждой из них не отвечало планам правительства Екатерины II. Таким образом, отношения Южно-дагестанских ханств и Кахетино-Картлийского царства продолжали обостряться.

Сложившийся к 1782 г. союз Карабахского ханства и Кахетино-Картлийского царства предусматривал вытеснение Дербентского ханства из подвластных ему земель. Союз этот вызвал тревогу управителя Северо-Восточного Азербайджана Фатали-хана. Он стремился избежать военное столкновение и уладить осложнившееся положение дел в крае путем вмешательства России. Фатали-хан в письме к Екатерине II, написанном в 1783 г., перечислял их захватнические действия. Он писал, что союзники, упразднив Гянджинское ханство, выколачивают из населения высокие подати, они захватили Нахичеванское, Тавризмское ханства, что содержат более 2-х лет в плену Бакинського хана Мелик Мухаммед-хана, посланного Фатали-ханом в Карабах для переговоров (2. С. 108).

Этому же вопросу посвящено письмо дербентского посла Гаджибека, представленное им в 1783 г. главнокомандующему русскими войсками на Кавказе ген.-поруч. П.С. Потемкину, с просьбой заставить Ираклия II прекратить вмешиваться в дела ханства (РГВИА. Ф. 52. Д. 286. Ч. II. Л. 32-33). Ведя переговоры с Россией, Фатали-хан одновременно готовился к войне. Ему удалось собрать войско численностью до 25 тыс. человек (РГВИА. Ф. 52. Д. 286. Ч. II. 34). Он намеревался напасть сначала на союзника

грузинского царя Ибрагим-хана, а потом на Грузию. Однако поход этот не состоялся: Фатали-хан получил указание российского командования на Кавказе прекратить подготовку военных действий, не покушаться на владения Ираклия II (РГВИА. Ф. 52. Д.286. Ч. II. Л. 34).

Вмешательство России сильно повлияло на ход событий. Южно-дагестанское ханство было вынуждено отказаться от похода против Карабахского ханства и Кахетинско-Картлийского царства. В своем письме ген.-поруч. П.С. Потемкину Фатали-хан заявил: «Ваше высокопревосходительство, изволите, чтоб я оставил в покое и тишине грузинского царя Ираклия ... на грузинского царя по требованию Вашему движение оставил, и все, конечно, о доброжелательстве моем усердию России могу удостовериться ... и от прежнего моего усердия и дружественного соседства не отделюсь» (РГВИА. Ф. 52. Д.286. Ч. II. Л. 34). Свою верность России, готовность выполнять указания российского правительства Фатали-хан отмечал и в других письмах. В одном из них, адресованном П.С. Потемкину, он писал: «По совету вашему я в Грузию не ходил и оставил Ираклия в покое ... считаю, что устоял я в данном вам обещании не касаться царя Ираклия» (РГВИА. Ф. 52. Д.286. Ч. II. Л. 34).

Командующий русскими войсками на Кавказе через представителя российского правительства в Тифлисе полковника Бурнашева сообщил Ираклию II о том, чтоб тот не опасался нападения со стороны Южного Дагестана (14. С. 92).

Дальнейшие переговоры Дербентского ханства с Россией были прерваны смертью Фатали-хана в марте 1789 г. К этому времени относятся обращения многих кавказских владетелей к царским властям с просьбами о принятии в подданство. Это создало в конце 80 – начале 90-х гг. благоприятную обстановку для присоединения Восточного Кавказа к России. Среди обратившихся к русскому правительству был и дербентский Ших-Алихан.

События 1795 г. в Грузии и разорения иранскими войсками встревожили многих дагестанских владетелей. Ожидая наступления и на их владения, они стали просить о помощи Россию, так как только она была способна оградить народ Дагестана от угрозы порабощения со стороны Ирана.

Весть о разорении Грузии, обращения ряда закавказских и дагестанских владетелей за помощью к России заставили русское правительство дать повеление командующему на Кавказской линии генералу И.В. Гудовичу занять Дербент «и не оставить без покровительства шамхала Тарковского, уцмия Кайтагского и самого хана Дербентского» (6. С. 342).

В 1795 г. в Дербент, хан которого начал склоняться на сторону Ага-Мухаммед-хана, был послан отряд под командованием ген.-м. И.Д. Савельева из 3-х батальонов пехоты, одного эскадрона легионной казачьей команды, 250 казаков, 500 калмыков и 6 орудий (6. С. 348). Посылка такого многочисленного отряда к Дербенту свидетельствовала о том, что этот район в данный момент имел большое значение в стратегическом отношении.

И.Д. Савельеву была дана инструкция следовать через Тарки в Бойнак, созвать туда всех дагестанских правителей «и обязать их собрать войско для общей обороны против персиян», а также внушить им мысль о силе и могуществе России (8. С. 62). После этого Савельев должен был взять Дербент, привести в подданство дербентского Ших-Али-хана, обязав его отказаться от своих поступков, с тем чтобы он без обмана вошел в общую связь с владельцами против Ага-Мухаммед-хана, «стремящегося на их разорение» (8.С. 65).

Командовал войсками генерал-поручик граф. В.А. Зубов. Ему были поручены Каспийская флотилия, отряды генерал-майора Савельева и полковника Сырохнева. Местом сбора войск стал г. Кизляр. По плану, разработанному в Петербурге, в Дагестане и Азербайджане должен был действовать Каспийский корпус, а в Грузии - Кавказский, они должны были объединиться у места слияния рек Куры и Аракса и совместно выступить против Ага-Мухаммед-хана.

Этот поход получил освещение в переписке и воспоминаниях его участников (13. С. 876–879; 4. С. 356; 6. С. 562–592), в трудах дореволюционных авторов (8. С. 56), которые всячески подчеркивали «освободительную миссию» России.

Однако не столько желание помочь народам Кавказа, сколько стремление самой России упрочить свое господство здесь, не допустить усиления влияния Ирана в этом районе побудило правительство Екатерины II начать этот поход.

В апреле 1796 г. войска графа В.А. Зубова вступили в пределы шамхальства Тарковского. Здесь Зубов получил известие, что Ших-Али-хан Дербентский принял решение сопротивляться русским войскам до конца. В Дербенте в это время было сосредоточено до 10 тысяч человек, и хан ожидал подкрепление из Кубы, Баку и от казикумухского Сурхая. В донесении к Екатерине II от 23 апреля В.А. Зубов писал: «Сейчас дошло до меня известие, что казикумыки подали сильную помощь дербентцам и вместе умышляют сделать отважное нападение на отряд ген.-м. Савельева» (1. С. 517).

Это последнее обстоятельство, а также тот факт, что осада Дербента с февраля по апрель не принесла желаемых результатов, заставили Зубова приказать И.Д. Савельеву отступить от Дербента и ждать подхода основных сил (8. С. 101). А основные силы шли к Дербенту через Тарки. Отсюда Зубов отправил отряд под командованием генерал-майора Булгакова с тем, чтобы он, обойдя Дербент с южной стороны, окружил его и не дал возможности Ших-Али-хану получить подкрепление от бакинского и казикумухского ханов. Дербентскому хану была направлена прокламация с предложением покровительства, личной и имущественной безопасности «всем спокойным и благонамеренным обитателям города» (11. С. 113). Но хан ответил на это предложение отказом.

2 мая 1796 г. к Дербенту подошли бригады Бенигсена и отряд И.Д. Савельева. Установив артиллерийские орудия, 8 мая началось бомбардирование города, окруженного со всех сторон. Опасаясь восстания внутри ханства, Ших-Али-хан тайно прислал своего приближенного к генерал-майору Булгакову, который сообщил, что хан желает сдаться. Но полностью намерения хана не были раскрыты. Поэтому начался новый обстрел города, в котором шли в самом городе споры сторонников двух партий. Одни были за то, чтобы сдать город русским, а другие - против. Одержали победу первые. Они прислали свою делегацию с просьбой прекратить огонь, так как город сдается. Об этом было сообщено Зубову и Булгакову, после чего канонада была прекращена, и 10 мая Дербент сдался русским войскам (11. С. 115; ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3374. Л. 24. 30).

Борьба Ших-Али-хана против русских с самого начала была обречена на провал. И не только потому, что силы были неравны и не оправдались надежды на помощь, обещанную Ага-Мухаммед-ханом, но и потому, что среди знатных жителей Дербента были сильные и многочисленные сторонники сближения с Россией (10. С. 377).

Известие о взятии Дербента распространилось по всему Дагестану «... и все горские владельцы, до сих пор не приянные России ... спешили в лагерь главнокомандующего. Мы пребывали с дербентским владельцем в дружбе, а как теперь Дербент состоит под властью Всероссийской монархии, то мы не преминем служить России лучше, чем дербентским владельцам» (8. С. 121–122).

После взятия Дербента и пленения Ших-Али-хана правительницей города была назначена Периджи-ханум. В Дербенте был оставлен гарнизон под командованием генерал-майора Савельева, а армия, покинув город и соединившись с бригадой Булгакова, двинулась по направлению к Кубе. Жители Кубы приветствовали появление русских, главнокомандующему были вручены ключи от города (8. С. 132).

Весь край от Южного Дагестана до Шемахи и Ганджи находился под контролем русских войск. За весь период с весны до осени 1796 г. они не встречали сопротивления со стороны местных владельцев. Такие крупные дагестанские владельцы, как шамхал тарковский, уцмий кайтагский, табасаранский кадий и др. выступили на стороне России.

Тем временем, умирает Екатерина II, престол переходит к Павлу I, которые приказывает чтобы русские войска покинули завоеванный край. Прекращение столь успешно протекавшего похода было, несомненно, «необдуманным шагом» (7. С. 171).

Весть об уходе русских войск была по-разному воспринята на Кавказе. Обрадованный этим Ага-Мухаммед-хан писал, обращаясь к шамхалу Тарковскому и ко всем дагестанцам, что русские «... убоясь могущего им последовать одоления, принуждены были возвратиться вспять, будучи не в малой радости и расстройке» (5. С. 169).

Иранский шах готовился к новому походу на Закавказье и Дагестан. Однако после убийства Ага-Мухаммед-хана в мае 1797 г. иранские войска покинули захваченные районы Закавказья.

Таким образом, поход русских войск против иранского шаха способствовал укреплению русско-дагестанских отношений и явился еще одним этапом, подготовившим присоединение Дагестана к России.

После прекращения иранской агрессии в 1797 г. многие дагестанские владельцы обратились к царскому правительству с просьбами о принятии в подданство. Об этом писал уцмий кайтагский Рустем, заодно просивший вернуть принадлежавшие ранее уцмийству деревни вблизи Дербента и право сбора пошлин в дербентских воротах, которым когда-то пользовался уцмий Амир-Гамза (12. С. 157). Просьбы эти были удовлетворены (12. С. 153).

Шамхал тарковский Баммат просил в своем обращении к русским властям признать шамхалом его сына Мехти, так как он сам уже стар (1. С. 447).

В конце XVIII в. сложилась весьма благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа к России (7. С. 172).

Однако шамхальское правительство наметило широкий план совместного выступления отрядов шемахинского, шекинского, дербентского и кази-кумухского (7. С. 174).

Но действия русских войск сорвали этот план. Иранские войска потерпели поражение под Ганджей. Одновременно с этим в Дагестан вступили войска под командованием ген.- лейт. Глазенапа, который выполнял обязанности командующего войсками на Кавказе (7. 184). С приближением русских войск к Дербенту в городе усилилась борьба сторонников и противников Ших-Али-хана. Сам хан вынужден был покинуть город.

Жители Дербента послали к русскому командованию своих аманатов, «... передавая себя в совершенное подданство России» (11. С. 132). 21 июня 1806 г. русские войска вступили в Дербент. В предписании к ген.-лейт. Глазенапу И.В. Гудович сообщал, что он ходатайствовал перед царем о награждении шамхала Мехти за усердие и верность титулом хана дербентского и частью территории ханства (9. 24). В сентябре того же года Мехти-шамхалу была прислана высочайшая грамота о пожаловании его в достоинство хана дербентского. Ему было дано право «пользоваться всеми доходами ханства Дербентского по прежним правам и обычаям, за исключением города Дербента и доходов одного, которые должны поступать ... в казну» (3. С. 90).

Вхождение в Россию, как было отмечено выше, целиком и полностью отвечало чаяниям и интересам широких народных масс Дагестана. Ибо, несмотря на колониальную политику, Россия играла прогрессивную роль в судьбах дагестанского народа, положительно влияла на их политическое, экономическое и культурное развитие.

1. *Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.
2. *Абдуллаев Г.Б.* Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60–80-х гг. XVIII в. Баку, 1958.
3. АКАК. Тифлис, 1869. Т. III.
4. *Бакунин В.* Персидский поход в 1796 г. Воспоминания // Русская старина, 1887. Т. 53. Кн. 2.
5. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869.
6. *Бутков П.Г.* Записки Персидского похода 1786, или все, что я видел, слышал, узнал // Приложение к кн. «Материалы для новой истории Кавказа». СПб., 1869. Ч. II.
7. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
8. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. 1871-1887. Т. II–III.

9. Известие о взятии Дербента российскими императорскими войсками. СПб., 1806.
10. История Азербайджана. Баку, 1960. Т. I.
11. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
12. *Левитов В.И.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.
13. Письмо графа В.А. Зубова к его брату П.А. Зубову, «Русский архив», 1873. Кн. 1–2.
14. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX – нач. XX в.) Баку, 1955.
15. *Эсадзе С.* Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис, 1913.